

ВИЗИТ РУССКИХ КОРАБЛЕЙ *КРЕЙСЕР* И *ЛАДОГА* В ХОБАРТ В 1823 ГОДУ

Первая русская экспедиция посетила Тасманию в мае 1823 года. Она состояла из фрегата *Крейсер* и шлюпа *Ладога*, направлявшихся с грузами в Русскую Америку. Возглавлял ее и командовал *Крейсером* [Михаил Петрович Лазарев](#), уже в третий раз прибывший в австралийские колонии. *Ладогой* командовал его старший брат [Андрей Лазарев](#). Среди русских моряков был и будущий декабрист 18-летний мичман [Дмитрий Завалишин](#), оставивший интересные записки об этом путешествии.

«Крейсер» и «Ладога» простояли в Хобарте более трех недель (18 мая – 9 июня 1823 года). После трехмесячного перехода из Рио-де-Жанейро команда нуждалась в отдыхе, вода, продукты и топливо были на исходе.

Крейсер и Ладога

М.П. Лазарев

Появление двух русских судов в Хобарте вызвало большой интерес горожан. «Вся колония буквально пришла в движение», - писал Завалишин. Русские моряки встретили радушный прием у жителей Хобарта, поведение которых было лишено «холодности и гордости, в которых привыкли упрекать британцев». Каждый вечер их кто-то приглашал на обед, длившийся с 6 до 11 вечера. «Столь долговременное сидение за столом, сопровождаемое взаимными учтивостями, - вспоминал А. Лазарев, - хотя для нас было тягостно, но оказанное нам уважение требовало сей дани». Четвертого июня жители Хобарта и окрестные фермеры дали роскошный обед для русских моряков. Здесь впервые на Вандименовой Земле (так тогда называли в России Тасманию) прозвучали русские песни в исполнении двух хоров с *Крейсера* и *Ладоги*. Через несколько дней русские моряки устроили праздник на фрегате *Крейсер*.

Завалишину вместе с врачом с *Крейсера* Петром Алиманом вскоре после прибытия удалось организовать конную экспедицию во внутренние районы Тасмании. Три дня провели они в седле, хорошо вооруженные против «диких и каторжных». Завалишин подробно описал диковинки тасманийского растительного мира, Алиман собрал ботаническую коллекцию, а сопровождавший их матрос-егерь Курков настрелял много птицы для изготовления чучел.

Пребывание экспедиции на Тасмании было омрачено бунтом русских матросов, находившихся на заготовке дров в 40 верстах от Хобарта. Завалишин обращался к этой

истории несколько раз в своих публикациях. В 1883 году он впервые смог назвать имена всех участников разыгравшейся драмы. Согласно Завалишину, около 50 матросов, находившихся на рубке дров и доведенных до отчаяния злоупотреблениями и жестокостью старшего офицера Ивана Кадьяна, отказались работать, а пять покинули лагерь, войдя в контакт с группой беглых ссыльных, скрывавшихся в буше. Губернатор Уильям Сорелл (William Sorell, 1775-1848) выразил опасения, что если и остальные матросы присоединятся к беглецам, то они смогут представить серьезную угрозу для колонии, имевшей небольшие силы для поддержания порядка и законности. Завалишин отверг план Лазарева подавить восстание силой, так как и остальные матросы русских кораблей были недовольны жестокостью Кадьяна и самого Лазарева и могли присоединиться к восставшим с оружием в руках. Завалишин отправился к восставшим и уговорил их сдаться. Четверо из сбежавших матросов вернулись на корабль и получили сравнительно мягкое наказание. Имена троих беглецов известны – это И. Малков, И. Турыщев и Т. Прокофьев. Не вернулся только, уйдя с беглыми ссыльными, рулевой Станислав Станкевич, о чем Лазарев был вынужден упомянуть в официальном донесении, указывая на его польское происхождение. Он происходил из Вильно и был, вероятно, белорусом, как и [Джон Потоцкий](#), первый российско-польский ссыльный в Австралии, встреченный экспедицией Лазарева. Так Станкевич стал первым русским политическим «невозвращенцем» в Австралии.

Русские корабли покидали Хобарт 9 июня. Перед их уходом жители города попросили на память русский военный флаг, который решено было сохранять при городском муниципалитете. В знак «уважения к могущественной России» крепость первая салютовала 11 выстрелами. «Англичане никогда сего не делают и своим военным кораблям», с гордостью писал Михаил Лазарев, а его брат Андрей вспоминал: «Гром пушек, весьма редкий в сей мирной столице, привлеченные на берег толпы народа, ясность дня, поверхность тихой воды, освещаемой восходящим из-за гор солнцем, и дымные облака, вздымающиеся над фрегатом, составляли приятное зрелище.»

Визит русских кораблей в Хобарт в 1823 году имел интересные последствия. Много лет спустя Завалишин написал об истории со Станкевичем следующее: «...Лазарев в донесении своем ... сказал только о побеге одного матроса ..., приписав побег его тому обстоятельству, что он был родом из Польши (собственно из Вильны – пояснял от себя Завалишин), да и то оговорил, что он может быть еще просто заблудился в лесу. Грустно было видеть Лазарева, писавшего собственноручно заведомо неправильное донесение... Происхождение из Вильны бежавшего матроса едва ли имело какое-то влияние на его поступок. Это был один из лучших матросов, грамотный и занимавший должность рулевого, добровольно отказавшийся от унтер-офицерского звания, притом за казною у него было немало денег в заслуге. Но будучи развитее других, он конечно живее чувствовал незаслуживаемые наказания и не ожидал впереди никакого улучшения.»

Обстоятельства, при которых Станкевич попал в руки королевской полиции, неизвестны, однако ясно, что он недолго наслаждался свободой. Уже девятого июля 1823 года, через месяц после ухода из Хобарта русских кораблей, Джон Кемпбелл, начальник военной полиции, сообщал колониальному секретарю майору Фредерику Гулберну, что, согласно инструкциям, полученным от губернатора, беглец с русского фрегата *Крейсер* будет содержаться в Сиднейской тюрьме.

В конце 1823 года губернатор Томас Брисбен получил следующее письмо:

22 декабря 1823 года

Покорнейшее прошение Станислава Станкевича, матроса, а ныне заключенного в Кумберландском графстве, в тюрьме Сиднея.

Проситель, уроженец России, прибыл в Хобарт-Таун на Ван Дименовой Земле в июне месяце на борту фрегата Его Императорского Величества «Кресслер» (sic!), который

зашел туда по пути к северо-западному побережью Америки. Проситель, чувствуя себя притесняемым обращением с ним капитана, дезертировал с корабля и был схвачен только после отбытия «Кресслера» из Хобарт-Тауна. После того, как он был схвачен, его содержали под стражей и затем направили в [Сиднейскую] тюрьму, где он находился в заключении в течение последних шести месяцев. Вследствие этого длительного заключения, и не получая все это время ничего, кроме тюремного пайка, состоящего из одного хлеба, проситель Вашего превосходительства дошел до полного обнищания и отчаяния, и, будучи иностранцем и совершенно не зная английского языка, его положение является вдвойне мучительным. Вследствие этого он решается обратиться к Вашему превосходительству, умоляя об облегчении его участи, которую Вы, по Вашей милости, могли бы предоставить, и его самым сильным желанием было бы получение возможности вернуться в его родную страну.

Проситель же будет вечно молить Бога за Вас.

Станислав Станкевич»

Под прошением самим Станкевичем вместо подписи был поставлен крест. До недавнего времени оставалась лишь одна загадка – кто же помог ему составить это прошение, а сделано это было несомненно со знанием дела и с соблюдением всех приличествующих случаю канцелярских оборотов, ведь сам Станкевич английского совершенно не знал. Сличение почерка писем уроженца России ссыльного Абрахама Ван Бренена, который составлял такие же изящные прошения губернатору на французском языке, и почерка, которым было написано прошение Станкевича позволило установить что все письма писала одна и та же рука!

Именно в декабре 1823 года Ван Бренен был арестован за подделку чека и отправлен в Сиднейскую тюрьму. Здесь он, по-видимому, и встретил Станкевича, который поведал соотечественнику горестную историю своей жизни. Ван Бренен незамедлительно написал прошение по всей форме, и его хлопоты, как кажется, дали плоды. В 1824 году, когда в Сидней зашел французский корабль *La Coquille* под командованием капитана Дюперре, Голберн, колониальный секретарь, обратился к нему с просьбой:

19 марта 1824 года.

Сэр, дезертир с русского фрегата «Крейсер», пойманный после отбытия фрегата с Ван-Дименовой земли, длительное время находился в строгом заключении в соответствии с просьбой капитана Лазарева с целью возвращения его обратно в распоряжение русского военно-морского флота. Поскольку, как кажется, не предвидится никакой возможности выполнить это указание, я имею честь передать дезертира Вам вместе с просьбой губернатора о том, чтобы Вы приняли его на борт «Ля Кокиль»".

Передать Станкевича французам надлежало упомянутому выше начальнику военной полиции Джону Кемпбеллу. Он, однако, этого так и не сделал. Двадцатого марта 1824 года Кемпбелл сообщил колониальному секретарю Голберну следующее:

*"Сэр, я имею честь сообщить о получении Вашего письма, датированного вчерашним числом, которое было доставлено в мой дом вчера поздно вечером, и я не имел возможности предпринять действия по нему до сегодняшнего утра. Сегодня, в 10 часов утра, я передал тюремному надзирателю инструкции о том, чтобы русский матрос (а ныне заключенный Сиднейской тюрьмы) Станислав Станкевич был доставлен на борт французского корабля «Ля Кокиль» вместе с Вашим письмом капитану Дюперре (которое я теперь Вам возвращаю). Я вынужден сообщить Вам, что ни одно из этих распоряжений не удалось выполнить, поскольку корабль *La Coquille* отплыл сегодня ранним утром.*

Дальнейшая судьба Станкевича пока остается загадкой. Его имени нет в переписи населения 1825 года и последующих лет, нет и в базе данных пионеров Нового Южного Уэльса среди умерших, вступивших в брак или ставших отцами в 19 веке. Вполне возможно, что жизнь его не оборвалась трагически в Сиднейской тюрьме, и колониальные власти все-таки посадили его на борт какого-нибудь судна, отправлявшегося в Европу. Скорей всего, судьба Станкевича решилась до апреля 1825 года, когда в Сидней зашел русский корабль *Елена* – будь Станкевич в то время все еще в тюрьме, власти несомненно передали бы его русским морякам.

В сентябре 1826 года экипаж фрегата *Крейсер*, незадолго перед тем вернувшийся из кругосветного плавания, в ходе которого он посетил Тасманию и Русскую Америку, был вызван на допрос следственной комиссией по делу декабристов. Их недавний сослуживец Дмитрий Иринархович Завалишин, по доносу родного брата обвинялся в тяжчайших преступлениях – государственной измене, шпионаже в пользу Англии и намерении стать «невозвращенцем» во время этой экспедиции. Капитан М.П. Лазарев и офицеры [П.С. Нахимов](#) (будущий командующий русской эскадрой при Синопе и руководитель обороны Севастополя в Крымскую войну), [И.П. Бутенев](#), [М.Д. Анненков](#) и [Е.В. Путятин](#) (в будущем адмирал, руководитель экспедиции фрегата *Паллада*, министр просвещения) и другие единогласно отрицали какие-либо особые «сношения» Завалишина с иностранцами. Благодаря солидарности моряков обвинения, грозившие ему смертной казнью, были сняты. Тем не менее, Завалишин, первоначально арестованный лишь за недонесение об известных ему «преступных замыслах декабристов», был обвинен в том, что он «умышлял на цареубийство..., возбуждая к тому словами и сочинениями», и приговорен к ссылке в Сибирь на вечную каторгу. В 1827 году он отбыл из Трубецкого бастиона Петропавловской крепости в Читинский острог.

Дмитрий Завалишин в 12 лет поступил в Морской кадетский корпус. Уже в 16 лет он был назначен там преподавателем, проводя занятия по астрономии, высшей математике, механике и теории морского искусства. В то же время он постоянно продолжал учиться. «Я слушал ... лекции в Петербургском университете, в Медико-хирургической академии, в Горном корпусе..., посещал обсерваторию, Академию художеств, библиотеки, даже заводы и мастерские», - писал он. К тому времени Завалишин, по его словам, уже владел десятью европейскими и древними языками.

В 18 лет он, недовольный существующими в России порядками, создает «Орден восстановления» и, уже находясь на борту *Крейсера*, отправляет Александру I письмо с просьбой призвать его к себе. Он готов был пожертвовать своей мечтой и отказаться от заманчивой экспедиции, наивно надеясь раскрыть царю глаза на необходимость искоренения злоупотреблений и восстановления законности в России. К счастью, высочайшее повеление о возвращении Завалишина в Петербург застало его в 1824 году уже у берегов Русской Америки, и он успел завершить путешествие, воспоминания о котором освещали его нелегкую жизнь еще много десятилетий. Александр I, ознакомившись с планами «Ордена восстановления» Завалишина, признал его идеи «неудобоисполнимыми» и несвоевременными.

Разочаровавшись в возможности сотрудничества с верхушкой государственного аппарата, Завалишин летом 1825 года сблизился с [К.Ф. Рылевым](#) и другими членами [Северного общества](#), ведя одновременно агитацию среди моряков и привлекая новых членов в свой орден. Большое значение он придавал личному самоусовершенствованию его членов. В самом восстании декабристов Завалишин не участвовал, находясь в это время в Казани, где распространял *Горе от ума* Грибоедова. Вскоре после восстания он был арестован, подвергнут многомесячному следствию и сослан в Сибирь. Отбыв 20-летнюю каторгу, он остался в Сибири и, будучи амнистирован в 1856 году, постепенно перешел к историко-публицистической деятельности. В 1863 году он переехал в Москву и остаток жизни посвятил литературной работе. Умер он на 88-м году жизни, пережив всех декабристов.

State Archives of New South Wales, Colonial Secretary Papers, 1788-1825.

'Campbell, John Thomas' – *The Australian Encyclopaedia*, vol. 2, Sydney, Angus & Robertson, 1958.

G. Barrat. *The Russians and Australia*, Vancouver, 1988.

Завалишин Д. Кругосветное плавание фрегата "Крейсер" в 1822-1825 годах... - *Древняя и новая Россия*, 1877, № 9, с. 47.

Л.П. Петровский. «История одного допроса», - История СССР, 1975, №6. Е.В. Говор. «Австралия и Полинезия» - забытый очерк декабриста Д.И. Завалишина. М. 1989. Тексты А.П. Лазарева и Д.И. Завалишина. В кн. Российские моряки и путешественники в Австралии, М., 1993.

А. Массов. *Андреевский флаг под Южным Крестом*. Спб., 1995.

Возврат к главной странице www.warsstory.org